

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2018

1

Журнал выходит шесть раз в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302

Серийное издание

К 200-летию

Института востоковедения РАН

*To the 200th Anniversary
of the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences*

**Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации**

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

В. П. Андросов	Т. А. Карасова
А. В. Акимов	Е. Л. Катасонова
Л. Б. Алаев	А. И. Кобзев
Ю. Г. Александров	В. А. Кузнецов
А. К. Аликберов	Ю. В. Любимов
В. М. Алпатов	Н. М. Мамедова
А. Г. Белова	Д. В. Микульский
В. Я. Белокреницкий	Д. В. Мосяков
С. А. Бурлак	В. Н. Настич
Е. Ю. Ванина	К. В. Орлова
Д. Д. Васильев	С. А. Панарин
А. В. Воронцов	Н. И. Пригарина
А. В. Демченко	Н. Г. Романова (<i>зам. гл. редактора</i>)
А. С. Десницкий	А. В. Сарабьев
А. Ю. Другов	В. Н. Саутов
А. С. Железняков (<i>зам. гл. редактора</i>)	Е. Б. Смагина
А. О. Захаров	З. М. Шаляпина
И. Д. Звягельская	Т. Л. Шаумян
С. Н. Каменев	

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
Д. Б. Графов (*научный редактор*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Дизайн обложки – С. В. Ветхов; макет и верстка – С. Е. Малых

На обложке: комплекс предметов, обнаруженных Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Гизе (Египет) в 2017 г. (*фото С. В. Малых*)

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES**

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

1

Published bimonthly

Founded in February, 2018

**Moscow
IOS RAS**

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

V. P. Androssov	D. V. Mikulskiy
A. V. Akimov	D. V. Mosyakov
L. B. Alaev	V. N. Nastich
Y. G. Aleksandrov	K. V. Orlova
A. K. Alikberov	S. A. Panarin
V. M. Alpatov	N. I. Prigarina
V. Y. Belokrenitskiy	N. G. Romanova (<i>deputy ed.-in-chief</i>)
A. G. Belova	A. V. Sarabyev
S. A. Burlak	V. N. Sautov
A. V. Demchenko	Z. M. Shalyapina
A. S. Desnitskiy	T. L. Shaumyan
A. Y. Drugov	E. B. Smagina
S. N. Kamenev	E. Y. Vanina
T. A. Karasova	D. D. Vasilyev
E. L. Katasonova	A. V. Vorontsov
A. I. Kobzev	A. O. Zaharov
V. A. Kuznetsov	A. S. Zheleznyakov (<i>deputy ed.-in-chief</i>)
Y. V. Lyubimov	I. D. Zvyagelskaya
N. M. Mamedova	

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya (*Executive Editor*)
Dmitry B. Grafov (*Scholarly Editor*)
Svetlana E. Malykh (*Scholarly Editor*)

Вестник Института востоковедения РАН. № 1. – М.: ИВ РАН, 2018. – 206 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031

© Институт востоковедения РАН, 2018

© Редакция журнала «Вестник ИВ РАН»
(составитель), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово	9
От редакции	10
К 200-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН	
<i>Белокрыцкий В. Я., Москаленко В. Н.</i> Пакистановедение в ИВ РАН. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока	11
<i>Шаумян Т. А.</i> Индология в России в прошлом и настоящем. Центр индийских исследований ИВ РАН	20
ДИСКУССИЯ	
<i>Алаев А. Б.</i> Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности	30
ЕГИПЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Кормышева Э. Е.</i> Археологические раскопки Института востоковедения РАН в Египте и Судане (сезон 2017)	38
<i>Ветохов С. В.</i> Новые тенденции в конструктивном устройстве древнеегипетских шахтных погребений поздней V и VI династий в Гизе	47
<i>Малых С. Е.</i> Древнеегипетская вотивная керамика из Гизы: особенности изготовления как датирующий признак	62
<i>Прусаков Д. Б.</i> Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии	70
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	
<i>Лебедев М. А.</i> Из каменоломен Вади Хаммамат в Нильскую долину: биографии египетских экспедиционных чиновников эпохи Древнего царства	81
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВОСТОКА	
<i>Дубровская Д. В.</i> Восприятие европейской линейной перспективы в Китае на примере живописи Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина; 1688–1766 гг.)	89
<i>Куватова В. З.</i> Росписи «гробниц Персефоны»: множественность художественных влияний в александрийском погребальном искусстве Римского периода	102
<i>Скворцова Е. А.</i> О проблеме синестезии в японской культуре	110
PAX MONGOLICA	
<i>Кадырбаев А. Ш.</i> Монголы, китайцы и европейцы в Тибете (1368–1644 гг.)	121
<i>Тимохин Д. М.</i> Особенности военной и политической деятельности Джалал ад-Дин Манкбурны по данным арабо-персидских источников	127

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

- Ахмедов В. М.* Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне 135
- Головачёв В. Ц.* Переговоры Дага Хаммаршёльда с Чжоу Энь-лаем об освобождении американских лётчиков и «Пекинская формула» ООН 140
- Графов Д. Б.* Цели, интересы, стратегии КНР и США как главных акторов территориального спора в Южно-Китайском море 149

КАВКАЗ. РЕЛИГИЯ

- Филатов С. Б.* Религиозное становление адыгейского народа 162

ЛИТЕРАТУРА СТРАН ВОСТОКА

- Аникиева Т. А.* «Китаб-и дедем Коркут» и византийский фольклор 169

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ

- Кадырова О. М.* Ограничение разносубъектного употребления турецких конвербов на -(y)ArAké 173

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Декон В. У.* Рецензия на IV том междисциплинарного проекта ПНЮА: «Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия» 178
- Столяров А. А.* Зарубежная историография политической истории Бенгалии и Бихара в VIII–XII вв. (династии Палов, Сеннов и их ближайших соседей) 182
- Шустова А. М.* Монография Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» 188

ПЕРЕВОДЫ

- Глушкова И. П.* Дурга Бхагват «Иравати Карве». Межвидовая борьба в академической среде под небом Южной Азии. Часть I 196

CONTENTS

Welcome address	9
Editorial notes	10
TO THE 200 TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES	
<i>Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N.</i> Pakistani Studies in the Institute of Oriental Studies (RAS). Department for Near and Middle Eastern Studies	11
<i>Shaumyan T. L.</i> Russian Indian Studies in the Past and in Present. Centre for Indian Studies IOS RAS	20
DISCUSSION	
<i>Alayev L. B.</i> Oriental Studies, Euro-centrism, Orientalism and Civilizational Values	30
EGYPTIAN ARCHAEOLOGY	
<i>Kormysheva E. E.</i> Archaeological Excavations of IOS RAS in Egypt and Sudan (Season 2017)	38
<i>Vetokhov S. V.</i> New Trends in Construction of Ancient Egyptian Burial Shafts of Late Dynasty V and Dynasty VI in Giza	47
<i>Malykb S. E.</i> Egyptian Old Kingdom Votive Pottery from Giza: Manufacturing Properties as Dating Features	62
<i>Proussakov D. B.</i> Lakes on the Prehistoric River Nile: “Hydrological” Outlook for Egyptian Archaeology	70
HISTORY OF ANCIENT EAST	
<i>Lebedev M. A.</i> From Quarries of Wadi Hammamat to the Nile Valley: Biographies of Ancient Egyptian Expedition Officials of the Old Kingdom	81
VISUALISING ORIENT	
<i>Dubrovskaya D. V.</i> Chinese Perception of European Linear Perspective through the Paintings of Giuseppe Castiglione (1688–1766)	89
<i>Kuvatova V. Z.</i> Paintings of the “Persephone Tombs”: Multiplicity of Artistic Influences in the Alexandrian Funerary Art of the Roman Period	102
<i>Skvortsova E. L.</i> On the Problem of Synesthesia of Japanese Culture	110
PAX MONGOLICA	
<i>Kadyrbaev A. Sh.</i> Mongols, Chinese and Europeans in Tibet (1368–1644)	121
<i>Timokhin D. M.</i> Military and Political Activities of Jalal ad-Din Mankburni According to Arab-Persian Sources	127

POLITICAL CONFLICT STUDIES	
<i>Akhmedov V. M.</i> Eastern Ghouta – a Turning Point in the Syrian War	135
<i>Golovachev V. Ts.</i> Negotiations of Dag Hammarskjöld and Chou En-lai over Release of Imprisoned American Airmen, and the UN’s “Peking Formula”	140
<i>Grafov D. B.</i> Goals, Interests, Strategies of China and the USA as Key Actors of the Territorial Dispute in the South China Sea	149
CAUCASUS. RELIGION	
<i>Filatov S. B.</i> Religious Establishment of Adyg People	162
LITERATURE OF ORIENTAL COUNTRIES	
<i>Anikeeva T. A.</i> “Kitab-i dedem Korkut” and Byzantine Folklore	169
ORIENTAL LANGUAGES	
<i>Kadyrova O. M.</i> A Restriction on Different-subject Use of the Turkish Converbs with <i>-(y)ArAk</i>	173
CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS	
<i>Dekov V. U.</i> Review of Vol. IV of the interdisciplinary project “Under the Skies of South Asia”: “Bashing and Praise: Communicative Modalities of Historical and Cultural Identity”	178
<i>Stolyarov A. A.</i> Foreign Historiography of Political History of Bengal and Bihar in 8 th –12 th Centuries (Pala and Sena Dynasties, and their Close Neighbours)	182
<i>Shustova A. M.</i> George Roerich’s Monograph “The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet”	188
TRANSLATIONS	
<i>Glushkova I. P.</i> “Irawati Karve” by Durga Bhagwat. Under the Skies of South Asia: Intraspecific Competition in the Academic World. Part I	196

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ, ОРИЕНТАЛИЗМ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

© 2018

А. Б. Алаев*

Автор соглашается с Э. Саидом, что методика изучения неевропейских стран пронизана европоцентризмом, и в этом смысле востоковедение как комплекс наук нуждается в переосмыслении. Материал стран Востока должен стать неременной составляющей таких наук, как политология, история, экономика, как он уже стал в лингвистике, религиоведении и ряде других наук.

Ключевые слова: ориентализм, востоковедение, цивилизации, марксизм, альтернативные пути эволюции.

ORIENTAL STUDIES, EURO-CENTRISM, ORIENTALISM
AND CIVILIZATIONAL VALUES

Leonid B. Alayev

The author agrees with E. Said's idea that studies of non-European societies are transpierced with Euro-centrism, and thus Orientalism as a scholarly complex is in need of new approaches. Oriental phenomena should become indispensably constituent parts of global political studies, history, economics and other research fields, as it has already happened in linguistics, religious studies and some other branches of knowledge.

Keywords: orientalism, oriental studies, civilizations, Marxism, alternative paths of evolution.

Востоковедение занимает неустойчивое положение между основными направлениями науки. Постоянно возникает вопрос о его статусе и идентичности. С одной стороны, оно распадается на страновые дисциплины: арабистику, индологию, синологию и т.п. Специалисты по крупным азиатским цивилизациям, можно сказать, говорят «на разных языках». С другой стороны, историки, экономисты, филологи и религиоведы, изучая одну страну, часто весьма далеки друг от друга по своим интересам. В этих условиях настаивать на том, что существует *востоковедение* как некая сущность и *востоковеды* как группа коллег, весьма затруднительно.

Ко всему этому расчленению *по горизонтали* и *по вертикали* добавляется то, что востоковедение возникло как **европейская** наука о Востоке, как удовлетворение интереса европейцев к экзотическим странам и народам, каковыми для европейца были все народы, восточнее Вислы и южнее Дуная¹.

Но при всех этих географических и хронологических неопределенностях и расплывчатости понятий, все же основной тезис остается незыблемым: востоковедение есть наука Запада о Востоке. Однако в последние двести или меньше лет нашими коллегами становятся ученые из тех самых – изучаемых нами – стран. Для них это наука не о дальних экзотических странах, а о собственной стране. Они – **коллеги востоковедов, но не востоковеды!**

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alayev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alayev_leonid@mail.ru

¹ Конечно, восточная граница «Европы» постепенно двигалась на восток (можно считать, что она продвинулась вплоть до Тихого океана) и немного на юг (по-моему, так и не переварив Балканский полуостров). Постоянно возникает вопрос о месте России: западная это страна или восточная.

Настало время востоковедам осознать сущность того, чем они занимаются, и постараться понять, что нас, востоковедов, ждет. Побудительными факторами для этих размышлений послужили, во-первых, книга Э. Саида [Saïd, 1980; Саид, 2006], а во-вторых, двухтомник [Введение, 2011; Концепции, 2013], подготовленный, в основном, силами востоковедов из Санкт-Петербургского университета под руководством Е. И. Зеленева и В. Б. Касевича².

Понятие «Восток» для обозначения неевропейских народов Евразии появилось в Древней Греции и носило с самого начала негативный оттенок, являясь синонимом деспотизма, всеобщего рабства и угнетения. В Средние века отчуждение «Запада» (Западной Европы) от «Востока» усугубилось религиозными различиями и стало восприниматься как противостояние христианства и ислама. К началу Нового времени «Запад» вырвался вперед в своем социально-экономическом развитии, а затем стал подчинять себе экономически, а иногда и политически, неевропейские, в том числе восточные народы. Возник *колониализм*, который добавил к прежним противоречиям новые: на Западе Восток стал пониматься как отсталый, косный, нуждающийся в цивилизующем влиянии; сам же Восток стал вести счет «историческим обидам», нанесенным ему Западом.

Интерес к Востоку возник до появления востоковедения как науки. В Средние века загадочность Востока порождала его мифологизацию, сказочные сюжеты, противоречивые, нередко фантастические представления о нем. С началом проникновения на Восток европейских купцов и путешественников облик Востока становился все более достоверным и рациональным, но одновременно закреплялся стереотип извечной неподвижности Востока, господстве там деспотизма и фанатизма, или же, напротив, его исключительной «*духовности*», противостоящей «*материалистичности*» Запада. Эти стереотипы вырабатывались в европейском сознании не столько для понимания особенностей Востока, сколько для идентичности самого Запада и для использования в идеологической внутриевропейской борьбе [Ванина, 2010].

Еще одна проблема связана с огромностью объекта изучения. Можно ли называть *востоковедом* человека, специализирующегося на истории (филологии, экономике) одной страны или группы стран (например, арабских)? Это все равно, что называть специалиста по истории Франции *европоведом*. Пожалуй, даже еще с меньшим основанием, потому что специалист по Франции обычно знает языки окружающих стран и знаком с их историей и культурой, а индолог, например, чаще всего не знает ни арабского, ни китайского.

Привычные обороты типа «Например, на Востоке ...» часто не только бессодержательны, но и дезинформационны. Например, под *духовностью Востока* обычно понимают либо учения типа даосизма, либо идеи *Упанишад*. Под *общинностью* – индийское *джаджмани*. И то, и другое не характерно для других районов или времен. Уверен, что слово «Восток» в мыслях китаиста и индолога имеет разное содержание.

Очередная встроенная черта востоковедения состоит в том, что оно постоянно использует Западную Европу в качестве эталона и объекта сравнения. Изучение истории Востока многими понимается как нахождение в прошлом Востока форм, аналогичных западным. Сначала такой подход действительно был оправдан историографически: ведь для познания нового нужно отталкиваться от чего-то более знакомого. Но подведение стадий развития Востока под этапы, пережитые Западной Европой, перенесение европейских категорий (*крестьянство, дворянство, помещики*) на Восток стало основным исследовательским приемом и своего рода правилом хорошего тона для историка-востоковеда. Некоторые коллеги и сейчас убеждены, что в назывании азиатских **реалий** европейскими **словами** заключен смысл нашей работы.

Мы испытываем синдром «окраины» Европы, второстепенности всего того, чем востоковед занимается. Поскольку Наука (с прописной буквы Н) создавалась «*для Европы*», а затем развивалась как наука «*для Европы и ее окрестностей*», то она оказалась *усеченной*.

² Подробнее концепции упомянутых авторов рассмотрены в [Алаев, 2013; Алаев, 2016].

Отбрасывая многотысячелетнее бытие восточных цивилизаций в *доисторию*, в *доевропейскость*, сама история как наука оказывалась *кастрированной*, неспособной выполнить ту задачу, которую она перед собой, зарождаясь, ставила: объяснить ход человеческой истории. Можно только удивляться, сколько теорий истории возникло, начиная с античности до XX века, которые строили схемы истории **человечества**, опираясь только на Библию или на европейский материал и не принимая во внимание Восток, который определял эту историю в течение нескольких тысячелетий *до Европы*, и, очень может быть, станет определять этот ход *«после Европы»*. Плохо это или хорошо, но такая перспектива вполне реальна.

А пока что все вопросы истории и культуры той или иной страны Азии и Африки приходится решать «через Европу». Есть широко мыслящие индологи, китаисты, арабисты и т.п., которые в своих рассуждениях выходят за пределы *своих* стран. Но «выходят» они непременно *в западном направлении*. Т. е. если некий ученый хочет провести сравнительный анализ того или иного события, процесса или института, он будет сравнивать не Индию, скажем, с Китаем, а Индию с Европой, Китай – с Европой и т. п. С этой точки зрения «востоковедов» просто нет! Ну а если среди восточных ученых нет, как говорилось, востоковедов, то нет и «азиистов»³. Они тоже либо изучают только свою страну, либо, в лучшем случае, подходят к ней путем сравнения с Европой.

Однако по зрелом размышлении ясно, что такое положение включает в себе просторы для развития именно **нашей** науки. Науки – история, экономика, филология – станут действительно мировыми науками, станут *полными*, только когда они охватят и Восток.

Это уже произошло в **лингвистике**. Неевропейские языки стали сейчас главным объектом исследования теоретической (т. е. именно мировой) лингвистики. Процесс вырастания *науки для Европы* в мировую наглядно виден на примере **религиоведения**. Здесь особенно отчетлива тенденция, которой, по-видимому, будут следовать и другие гуманитарные науки: **возникновение** дисциплины (в данном случае – религиоведения) на базе фактически одной религии; затем **насыщение** ее неевропейским материалом, который первоначально анализируется по аналогии с христианством; далее – **преобразование** дисциплины в глобальную науку, в которой христианство занимает заметное, но в то же время скромное место. Знакомство с неевропейскими религиями породило одно время концепцию **стадий** развития религий, фактически понимание христианства как высшей стадии развития религии. Но тенденция подчеркивать единство всех религиозных воззрений, уравнивать все религии по их значимости или истинности все более укрепляется.

Поиски в **литературах** Востока реализма, критического реализма, романтизма и т. п. тоже являлись проявлениями европоцентризма, но этот этап в литературоведении, кажется, преодолен. Нельзя сказать, что западное и восточное **искусство** не имеют никаких общих позиций, но неверно было бы считать, что развитие западного и восточного искусств составляет единый поток истории мирового искусства [Концепции, 2013 с. 207].

В результате многих исследований выяснилось принципиальное отличие того, что называется **философией** на Западе и Востоке. В XVIII–XIX вв. высказывалось даже мнение, что философии на Востоке вообще нет (Г. В. Ф. Гегель, Э. Гуссерль), что незападной философии *не может быть*. Некоторые находили в арабском (или мусульманском) мире нечто, примерно соответствующее европейскому понятию «философия», в комплексе школ из *калама, фальсафы и суфизма*. С нигилистическим подходом к восточной философской мысли боролись многие видные специалисты. Но они считали, что задача заключается в том, чтобы **перевести** восточные термины на европейский язык, найти в восточной философии **соответствия** европейским философским понятиям. Р. В. Светлов, рассматривая возможности взаимообогащения философских дискурсов Запада и Востока, подчеркивает их разное содержание, выражая это при помощи дихотомии: «западная теоретическая **мысль**» и

³ Исключение – Япония, где есть, например, развитая индологическая школа. Но Япония давно рассматривается по нескольким параметрам как часть «Запада». Само наличие интереса к другим странам Востока служит дополнительным знаком *западности*, или просто *развитости* этой страны, *зрелости* ее культуры.

«восточная мудрость» [Концепции, 2013, с. 146, 147, 149, 154]. Проблему наполнения этих слов содержанием еще предстоит решить.

Политология возникла на Западе и стала развивать свой понятийный аппарат на материале государств новейшего времени, а затем применять его к незападным странам, считая свои понятия универсальными. Некоторые востоковеды-политологи понимают ущербность такого положения и сетуют: «*базовая слабость теории международных отношений, как и общественных наук вообще, состоит в недоучете тех явлений и социальных процессов, которые протекают в западной части мира и задают специфику мировосприятия западных стран и их поведения в мировой политике*» [Концепции, 2013, с. 262]. Но они же, стремясь учесть «особенности» восточной системы ценностей, отмечают: «*Такой тип мышления был присущ, вероятно, европейцу в Средние века, и позднее был почти изжит в евро-американской традиции*» [Концепции, 2013, с. 265]. Но если это мышление характерно для средневековья, если это архаика, то, следовательно, это не врожденные особенности (раз их можно «изжить!»), а стадийные признаки? И тогда получается, что правы те на Западе и на Востоке, кто ставит своей целью максимальную вестернизацию всего мира?

Что касается изучения современности, оно затруднено дополнительным фактором: изменением **объекта** изучения. Когда-то деление человечества на *Запад* и *Восток* представлялось само собой разумеющимся и единственно значимым. Сейчас сложилась ситуация, когда для решения многих политических, экономических и культурных проблем более значимым становится противопоставление *Севера* и *Юга*. Взаимодействие между востоковедением и *третьимироведением* стало одной из науковедческих задач.

Есть тенденция ограничить понятие *востоковедение* только изучением *традиционного* или *классического* Востока [Введение, 2011, с. 16; Концепции, 2013, с. 21, 110].

При таком понимании из объекта изучения востоковедов изымаются **современные институты** гражданского общества в странах Востока, **индустриальные формы** производства, **международные отношения** и многое другое. Это бы еще ладно. Трагедии не будет, если выделить, например, из востоковедения изучение современности и навесить на это направление уже привычный лейбл *третьимироведение*. Но никто нам не простит забвение того, что современный восточный человек живет как бы в двух мирах: и в современном, и в традиционном. Считают ли наши петербургские коллеги, что востоковед может изучать только «половину» современного человека в странах Азии и Африки?

Авторы двухтомника призывают изучать *цивилизационные особенности* восточных обществ, определяя их как «консервативность, охранительность», «аперсонализм (коллективизм, эгалитаризм)» [Введение, 2011, с. 17]. Но затем эти же черты они называют свидетельствами «*архаических культур*», «*средневековыми представлениями*», которые «мы встречаем в разных обликах на протяжении тысячелетий, имея дело с архаическими обществами» [Введение, 2011, с. 18]. Повторю уже прозвучавший выше вопрос: то ли это *цивилизационные черты*, и потому изменять их не следует, к тому же это бесполезно, то ли это *архаика* и, таким образом, черты, исчезающие и достойные только того, чтобы исчезать?

Что касается **истории**, то здесь европоцентризм господствует в полной мере. Привязка истории в целом к христианской мифологии, и, тем самым, ее *европеизация*, началась, наверное, с Блаженного Августина (354–430 гг.). Крупнейшим «присвоением» Европой всемирной истории стало введение Исидором Севильским в VII в. н. э. *универсальной хронологии* (BC, AD, то, что мы называем «до н. э.» и «н. э.»). А далее исторические концепции Иоахима Флорского (1130–1202 гг.), Флавио Бьондо (1392–1463 гг.), Кристофа Келлера (1634–1706 гг.), К. А. де Сен-Симона (1760–1825 гг.), Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831 гг.) и др. продолжали рассматривать Западную Европу как единственный объект исследования для историка.

В русле развития этих теорий выкристаллизовалась схема трех периодов истории (Древность, Средние века, Новое время), которые вскоре стали пониматься как периоды рабовладения, феодализма и рыночных отношений. Так что Маркс *не виноват*, что его концепция также насквозь европоцентрична. Уже при создании теории исторического

материализма в нее была заложена концептуальная мина: она предлагала **как бы** концепцию **мировой** истории, на самом деле имея в виду одну только Западную Европу.

Восток изучался и в некоторой степени и сейчас изучается как **отклонение** от Запада: либо как **недоразвитый** Запад, либо как **ухудшенный вариант** Запада. Дело даже не в том, что мы переносили на Восток упомянутую выше **схему**, а в том, что весь аналитический аппарат, система понятий, применявшиеся при изучении Востока, носили на себе печать евроцентризма.

Преодоление европоцентризма в исторической науке необходимо не только нам, но и всей этой науке. То, что в нашей стране (и во многих других странах) называется «всеобщей историей», представляет собой историю Европы или западного мира. Она не включает в себя даже историю России, не только стран Азии и Африки. Преподавание «всемирной» или «всеобщей» истории в таком виде делает ущербным понимание исторического процесса – как в среде населения, так и у специалистов.

Но раз уж нам суждено идти к нашим проблемам «от Европы», то нужно, по крайней мере, стараться нащупать ту твердь, от которой можно было бы оттолкнуться. Желательно при этих сравнениях иметь в качестве *эталопа*, или *оселка* не убежденный сединами образ Европы, почерпнутый нами из учебников, а общество, как оно выглядит в свете современных исследований. Но пока что подобно тому, как Восток присутствует в трудах специалистов по европейской истории в виде набора догм и стереотипов, так и Запад в трудах востоковедов выступает в форме модели, сконструированной и закрепившейся в позапрошлом и позапозапрошлом веках.

Конечно, кардинальным вопросом всей истории остается вопрос о причинах того, что Запад и Восток с какого-то момента (здесь не место уточнять дату) избрали *разные пути* дальнейшего существования (не пишу *развития*, поскольку это слово имеет разные значения). Надо отдать должное Востоку как колыбели человеческой цивилизации (в Моргановски-Энгельсовском смысле), а также его вкладу в возникновение западноевропейской цивилизации (уже в другом смысле, применяемом в так называемом цивилизационном подходе). Но признано, что Восток и Запад играли **разные роли** в формировании поступи человечества, и эту разницу необходимо объяснить. Это одна из тех задач востоковедения (в данном случае как комплекса дисциплин: истории, филологии, экономики и т.п.), в решении которой не будет лишней ни одна деталь из наших знаний о Востоке.

Осознание особенностей Востока иногда выливается не в соединение наук о Востоке и Западе в единый поток, а, напротив, в их размежевание. Обосновывается понятие «восточной души», которая требует особых методик изучения. При этом совершенно некритично используются как размышления некоторых восточных мудрецов о сущности *человека* или *души*, так и данные современных социопсихологов (или этнопсихологов) [Концепции, 2011, с. 156–168]. Эти два типа источников относятся к разным плоскостям. Современные данные социопсихологии – это наука, как бы ни были ненадежны ее выводы. А «*структура психики*» по *санкхье*, *упанишадам* или *Нэй-цзин* – это спекулятивное философствование, не имеющее основания в опыте.

Однако такого рода построения легко подхватываются азиатской и африканской общественностью. На смену европоцентризму зачастую приходит «востокоцентризм»: *негритюд*, *хиндутва*, апологетика всего индийского, китайского, японского и т.д. **Знание** родной культуры подменяется **сознанием** ее превосходства.

Суммирую содержание вышесказанного: **изживание европоцентризма – есть повышение научности** нашей науки. Востоковедение – трудная наука (как и всякая наука, если она настоящая). Востоковед должен вжиться в предмет своего изучения, увидеть его **изнутри**, и в то же время постоянно находиться **вне** своего предмета, видеть его со стороны. Надо иметь в виду, что наши знания могут сослужить службу нашему обществу и государству. Правда, при этом возникает еще одна проблема, нерешаемая уже несколько столетий – несклонность властей учитывать чье-либо мнение, кроме своего. В петербургском сборнике,

который я здесь постоянно цитирую, содержится фраза, претендующая на крылатое слово: «В России наука никогда не рассматривалась властью серьезно в качестве важного ресурса по оптимизации социально-управленческих практик» [Введение, 2011, с. 171].

Вопрос о статусе востоковедения обострился после выхода в 1978 г. книги Э. Саида «Ориентализм» [Said, 1980; Саид, 2006]. Американец арабского (палестинского) происхождения Эдвард Саид (1935–2003 гг.), преуспевающий по всем западным меркам профессор-филолог, вдруг вспомнил о своей палестинской родине и заклеил лейблом *ориентализма* практически все, что сделано западными учеными, писателями, журналистами, политиками в изучении неевропейских стран. Все европейское востоковедение было обвинено в том, что оно – наука колониальная, обслуживающая интересы западных колонизаторов, работающая вовсе не для изучаемых народов, а для европейцев, пронизанная европоцентризмом и презрением к туземцам, т.е. и не наука вообще. Кратко говоря, «*это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические текст*». Хотя ориентализм и «*не состоит в непосредственных отношениях с политической властью как таковой*», но он «*производится и существует в неравном обмене с различными видами власти*» [Саид, 2006, с. 23–24].

Саид временами признает, что востоковедение не сводится к идеологии покорения Востока, что оно содержит позитивное знание (однажды я даже встретил у него выражение «*гуманистические ценности ориентализма*» [Саид, 2006, с. 172]), но нигде он не формулирует прямо, что так называемые *ориенталисты* (как бы ни относиться к такому их званию) много сделали, для того чтобы изучить историю и культуру восточных цивилизаций и **опубликовать** знание о Востоке не только для европейского потребителя, но и для самих восточных народов. Что касается Европы, ориенталисты «обслуживали» не только колонизаторов (военных, чиновников, бизнесменов), но и широкие массы общественности, раскрывая перед ними неевропейский мир. Изучение неевропейского мира, востоковедение, не только выполняло свою *титულъную* задачу – давало европейцам **знание** о других странах, но и способствовало развитию прочих наук, науки в целом: географии, этнографии (антропологии, социологии), ботаники, зоологии, геологии. Ламарк и Дарвин не смогли бы появиться без роста знаний о мире и его населении.

Саид не ставил перед собой задачу дать объективный историографический анализ востоковедных исследований. Его книга – это мастерски выполненный пропагандистский **памфлет**, заточенный на **разоблачение** «истинных» европейских интересов. Раскритиковав *ориентализм*, Саид не предложил ничего взамен. Не принимая обобщений типа «*восточная ментальность*», Саид всю западную мысль обобщает понятием *ориентализм* и не стремится разобраться в разных ее направлениях. «В задачи данной книги, – заявляет он, – не входит обсуждение того, существует ли нечто такое, как реальный или подлинный Восток» [Саид, 2006, с. 499]. И далее: «*Моя задача состояла в том, чтобы описать определенную систему идей, но ни в коем случае не заменить ее другой системой*» [Саид, 2006, с. 505]. Остается только согласиться, что он не предложил иного способа изучения Востока вместо *ориентального*.

В формулировках Саида много справедливого. Верно, что существует как явный *ориентализм* (научный подход к Востоку с европейскими мерками), так и скрытый («бытовой») *ориентализм*, пронизывающий ментальность каждого (или почти каждого) европейца (жителя Западного мира) в виде снисходительного или менторского отношения к жителям иных стран. Верно, что наличие Востока питало «*идею европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами*» [Саид, 2006, с. 16]. Справедливо замечание, что «*Европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “Я”*» [Саид, 2006, с. 11]. Но европейцев нельзя обвинять в том, что они *смотрели* и мотали на ус, а азиаты не смотрели и ничему не учились.

В значительной мере справедливы слова Саида: в трудах западных ученых «*восточный человек изображен как тот, кого судят (как в суде), кого изучают и описывают (как в учебном плане), кого дисциплинируют (как в школе или тюрьме), кого необходимо проиллюстрировать (как в зоологическом*

справочнике)» [Саид, 2006, с. 63]. Возникает вопрос: а какова во всем этом роль самого *восточного человека*? Почему он позволяет себя постоянно судить, воспитывать и т. п.?

Книга Саида в течение нескольких лет была переведена на многие языки и стала бестселлером. Ее успех в странах Востока понятен. Она отвечала глубокому убеждению, взлелеянному еще в колониальный период, что во всех бедах Востока виноват Запад. Но ее успех в бывших метрополиях вызывает раздумье. Оказалось, что западные ученые несколько веков пребывали в счастливой уверенности, что они занимаются чистой наукой, не имеющей никакого отношения к политике, и что отношение к Востоку как подопытному существу — это совершенно безобидная позиция. Оказалось, что научная общественность Европы и Америки (не только востоковедная) не привыкла анализировать свое собственное существование, характер своей работы. Реакция западной общественности на книгу Э. Саида показала, что в Европе и Америке много людей, с детской доверчивостью верящие в свою объективность и свободу от стереотипов, бытующих в обществе.

Интересно проанализировать, почему книга Саида не встретила взрыва интереса в советском и постсоветском обществе. Она была переведена на русский язык только спустя 28 лет, да и после этого не стала предметом серьезных дискуссий. У меня есть два дополняющих друг друга объяснения. Во-первых, книга Саида была *не про нас*. Саид в своей книге анализирует только английскую, французскую и американскую литературу. Просто потому, что не знает иных языков. Не заметили книги Саида в СССР еще и потому, что культивировалась идея, что Россия никогда не была колониальной державой, что в Российской империи все нации и конфессии мирно уживались, а в Советской державе вообще процветала «*дружба народов*», одна сплошная «*Свинарка и пастух*».

А во-вторых, мы воспитывались в атмосфере всеобщего служения государству. Для нас *практическая значимость* научных работ считается главным оправданием того, что на гуманитарные науки вообще «*отпускают*» деньги. Советские ученые-гуманитарии не просто работали в тиши кабинетов (или *в поле*), но находились «*на переднем крае идеологической борьбы*». Мы не только осознавали нашу ангажированность, но гордились ею.

Но и в постсоветскую эпоху мыслям Саида не отдано должное (я имею в виду как **принятие** его критики в адрес европейской науки, так и спокойное **отторжение** его несправедливых наскоков). Некоторые коллеги поняли идеи, высказанные Саидом так, что всю западную гуманитарную науку можно записать в *ориентализм*, представить ее как орудие империализма и либо сдать ее в архив, либо начать с ней бороться. Слова *ориентализм* и *ориенталисты* заменили собой прежние *империализм* и *империалисты*, а актуальность выводов Саида и для отечественной науки не была осознана⁴. Другие увидели в книге Саида серьезную атаку на науку, которую (атаку) надо отбить, разоблачив содержащиеся в книге Саида натяжки и передержки [Панарин, 2015]. Между тем, труд Саида не заслуживает ни серьезной критики по существу, ни использования в роли знамени при наступлении на врагов. Его просто надо учитывать.

Советские историки попытались «расширить» марксизм, «натянуть» его (как резину) на Восток. Тут было и элементарное именование Древнего Востока рабовладельческим, а Средневекового — феодальным; и апелляция к одной из второстепенных и неудачных идей Маркса — об «азиатском способе производства»; и концепция *многоукладности*, т.е. практически отрицание марксистской схемы формаций под видом ее «усовершенствования».

Главное, к чему мы должны будем прийти — понимание того, что в Азии и Африке существовали (и существуют?) особые общества со своей системой понятий. Нет смысла отрицать реальность всемирно-исторического процесса. История всегда была всемирной. Событие, произошедшее на одном конце света, отражается в истории всех стран. Но в то же время у каждого народа **свои** этапы развития, **свои** хронологические рубежи перехода с этапа на этап. У каждой из великих цивилизаций Востока были **своя** древность и **свои Средние века**, они каждая переживают свое **Новое время**. Всемирно-исторический процесс складывается

⁴ См., например, [Ванина, 2014].

из **разнонаправленных** и разновременных движений отдельных обществ и групп обществ («цивилизаций», если хотите), и вкладывать все их в единую схему неверно. Однако вопрос о соотношении всемирной истории и локальных историй пока совершенно не разработан.

Литература / References

Алаев Л. Б. Востоковедам о востоковедении // *Восток*. 2013. № 6. С. 162–174 [Alaev L. B. Vostokovedam o vostokovedenii // *Vostok*. 2013. 6. Pp. 162–174].

Алаев Л. Б. Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России // *Ориентализм vs. Ориенталистика*. М., 2016. С. 8–13 [Alaev L. B. Orientalistika i Orientalism. Pochemu kniga Edvarda Saida ne imela uspeha v Rossii // *Orientalizm vs. orientalistika*. Moscow, 2016. Pp. 8–13].

Ванина Е. Ю. Индийское средневековье: рождение образа // «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910–2007). М., 2010. С. 307–337 [Vanina E. Y. Indiyское srednevekovye: Rozhdeniye obraza // “V Rossii nado zhit’ dolgo...”: Pamyati K. A. Antonovoy (1910–2007). Moscow, 2010. Pp. 307–337].

Ванина Е. Ю. *Индия: История в истории*. М., 2014 [Vanina E. Y. *Indiya: Istoriya v istorii*. Moscow, 2014].

Введение в востоковедение. Общий курс. СПб., 2011 [Vvedeniye v vostokovedeniye. Obschiy kurs. Saint Petersburg, 2011].

Концепции современного востоковедения. СПб., 2013 [Kontseptsii sovremennogo vostokovedeniya. Saint Petersburg, 2013].

Панарин С. А. Эдвард Саид: книга софизмов // *Историческая экспертиза*. 2015. № 2 (3). С. 78–105 [Panarin S. A. Edvard Said: kniga sofizmov // *Istoricheskaya perspektiva*. 2015. 2(3). Pp. 78–105].

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб., 2006 [Said, Edvard V. Saint Petersburg, 2006].

Said E. W. *Orientalism*. London, 1980.